Ретроспективы «неперспективных деревень»

Усольцева О.В. Сельская поселенческая сеть Томской области (1940–1980-е гг.). Томск: ООО «Издательство “ДЕМОС”», 2018. — 268 с. + 1 электрон. опт. диск. (DVD).

В.В. Бабашкин

Владимир Валентинович Бабашкин, доктор исторических наук, профессор кафедры политико-правовых дисциплин и социальных коммуникаций Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, проспект Вернадского, 82. E-mail: vbabashkin@ranepa.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2018-3-3-186-194

У поэта Н. Мельникова есть такие строки: «Поставьте памятник деревне,/Чтоб показать хотя бы раз/То, как покорно и безгневно/Деревня ждет свой смертный час». Я вот думаю: «хотя бы раз» — это неточность. Показывали и не раз. Взять, к примеру, великий роман Н.Н. Златовратского «Устои. История одной деревни»[1]. Там, правда, внешняя покорность и безгневность, с которой крестьяне наблюдают проникновение в их привычный мир всевластия денег, сочетаются с такими формами мирного и не вполне мирного протеста против этого всевластия, что понимаешь: умели наши сельские предки побороться за то, что считали справедливым, «устойным». Тогда, в 1880-е годы, мыслителям-народникам действительно казалось, что под напором новых отношений «смертный час» традиционной общинной деревни неизбежен и недалек. И помимо этого шедевра я навскидку назову с десяток памятников деревне подобного же масштаба: «Тихий Дон», «Поднятая целина», тетралогия Ф.А. Абрамова «Пряслины»[2]...

Конечно, не всякому дано сооружать *такие* мемориалы. И все же, на мой взгляд, каждый человек, который любит деревню, сохраняет свою частичку памяти о колхозном советском селе или которого просто берут за живое подобного рода произведения литера-

1. Рецензию см.: *Бабашкин В.В.* (2017). Крестьянин как романтик / Крестьяноведение. Т. 2. № 3. С. 152-161. Убежден, что величие этого произведения будет оценено по достоинству, когда на смену парадигмам прогресса и высокого модерна в нашем обществоведении постепенно придет цивилизационный подход, ставящий во главу угла традиционный аграрный характер российской цивилизации.
2. См.: *Димони Т.М.* (2001). История колхозной деревни в романе-тетралогии Ф.А. Абрамова // История России XIX–XX веков. Новые источники понимания. М. С. 166-179.

туры, принимает посильное участие в создании памятника деревне. Чем более активным и заинтересованным становится это участие, тем более очевидным делается важное обстоятельство: а памятник-то — *прижизненный*. Этот жизнеутверждающий мотив я в очередной раз отчетливо уловил, читая отличную монографию Ольги Васильевны Усольцевой по сельской поселенческой сети Томской области. С точки зрения исследовательской добросовестности и методологической состоятельности книга, по-моему, образцовая. И это дает ее автору моральное право предложить землякам — как историкам-профессионалам, так и краеведам-любителям — «сосредоточивая внимание на каждой отдельной деревне, ввести в научный оборот и интерпретировать все без исключения сохранившиеся документы, свидетельствующие об истории этих населенных пунктов, и теоретико-методологически, так сказать, “не зависнуть”» (с. 8). Усольцева резонно полагает, что ее собственное исследование «сформировало достаточные предпосылки для создания такого института памяти, как историческая энциклопедия населенных пунктов Томской области» (там же). А ведь память — важнейший фактор существования. Мне так и видится, как автор со страниц своей монографии от лица сибирской деревни подает сигнал собравшимся на ее «поминки»: мол, «слухи о моей смерти сильно преувеличены».

Усольцева, следуя лучшим образцам отечественной аграрной историографии[3], выявляет *все* населенные пункты, существовавшие на территории Томской области в изучаемый период, восстанавливает их демографические характеристики, проводит типологию этих поселений, анализирует динамику сельского расселения. Огромная аналитическая работа. Этим можно было бы и ограничиться, сделав дежурные по нынешним временам обобщения и выводы об антикрестьянском характере сталинизма, волюнтаризме Хрущева в аграрной политике и т. п. Однако автору этого мало. В стремлении к известной теоретической независимости («не зависнуть») она вполне сознательно обращается к методологии крестьяноведения, полагая, что его теоретический потенциал «позволяет адекватно объяснить… сложное и многоплановое явление, каковым, несомненно, является сельская поселенческая сеть» (с. 24). «Признав ограниченность прежних теоретических концепций для исследования крестьянских обществ, — пишет она, — крестьяноведы поставили во главу угла изучение крестьян самих по себе и основное внимание обратили на выяснение целей и мотивов крестьянского поведения, логику их действий, их мироощущение и ценностные ориентации, верования и стереотипы, восприятие власти и “некрестьян”» (с. 25). Обобщение обширного материала о полувековой жизни томской деревни, с одной

3. В данном случае она ссылается прежде всего на: *Мазур Л.Н.* (2006). Сельское расселение на Среднем Урале в XX веке: направления и варианты трансформации поселенческой сети: дисс. … д-ра ист. наук. Екатеринбург (с. 22, 47).

стороны, и о двадцатилетней деятельности властно-бюрократических структур — с другой, с подобных теоретических позиций — это отважный шаг для молодого историка. Ведь сегодня даже в нашей аграрной историографии, не говоря уже о других областях исторических исследований, крестьяноведческий подход, мягко говоря, не общепризнан. Преобладает странная эклектика, в которой прежний научный коммунизм ходит рука об руку с новомодным антикоммунизмом и в которую основные выводы исследования Усольцевой плохо вписываются. Это чревато соответствующей критикой, и, что греха таить, такая критика уже имела место. Тем более актуально посмотреть, какие же творческие дивиденды принесла автору ее отвага.

Крестьяноведческое измерение — это прежде всего препарирование исторической реальности под углом зрения коренного крестьянского интереса, который остается важным звеном в логике развития исторических событий, даже когда городское население вроде бы начинает численно доминировать. В Томской области это приходится на период с 1959 по 1965 год, когда численность сельского населения уменьшилась на 9,92% и доля его в общей численности населения области сократилась с 51,8 до 45,4% (с. 168). Конечно, объяснение такого миграционного скачка жесткой политикой власти по отношению к ЛПХ деревенских жителей — не ахти какая научная новизна, хотя и в советской, и в постсоветской литературе старались этот сюжет не педалировать в связи с амбивалентной социально-экономической природой ЛПХ колхозников и неясностью, как трактовать государственную политику по его ограничению. А вот что по-нашему, по-крестьяноведчески, так это стремление автора показать, что «критическая масса выходцев из деревни “окрестьянивала” город. Крестьянская ментальность родившихся в деревне горожан причудливо переплеталась с потребительской психологией города, выражавшейся в инспирируемой самой властью парадигме так называемого неуклонного повышения благосостояния народных масс» (с. 195). Складывалась парадоксальная ситуация, когда эти «новые отходники», будучи сами продуктом борьбы партийно-государственной машины с «мелкобуржуазными пережитками» в крестьянстве, несли остающимся в деревне родным и близким эту самую мелкобуржуазную психологию. И это наряду с пропагандой сближения города и деревни и соответствующими политическими шагами стало одним из факторов предотвращения в 1980-е годы полного исчезновения деревни.

В такой трактовке логики исторических событий много общего с теоретическими позициями авторов монографии «Крестьянские жизненные практики»[4]. Там представлена чрезвычайно плодотвор-

4. *Виноградский В.Г.*, *Виноградская О.Я.*, *Никулин А.М.*, *Фадеева О.П.* (2013). Крестьянские жизненные практики. Россия, 1991–2012. Саратов. Рецензию см.: *Бабашкин В.В.* (2015). Морально-аморальная экономика // Российская история. № 4. С. 184-188. Авторы приходят к этому принципиальному для нашей аграрной истории выводу, основываясь главным образом на таком

ная попытка рассмотрения важнейших страниц социально-экономической истории нашей страны от коллективизации до роспуска колхозов и далее с точки зрения характера взаимодействия ЛПХ значительной части населения с общественным хозяйством (в постколхозный период — с более крупными формами аграрной организации). Исследование Усольцевой выполнено на других источниках и ставит своей целью анализ несколько иных аспектов эволюции аграрных отношений, однако умозаключения и выводы обеих монографий звучат в резонанс.

Итак, списки населенных пунктов Томской области за 1939 год отражают исторически максимальную сельскую поселенческую сеть и связанную с этим социально-экономическую освоенность региона. В дальнейшем, по мнению автора, исчезновение многих сельских поселений обусловлено естественными причинами, главной из которых были огромные трудности сельскохозяйственного освоения отдаленных районов области, усугубляемые необходимостью выполнения производственных госзаданий. Первые послевоенные списки сельских поселений, обнаруженные Усольцевой, относятся к 1951 году и уже отражают результаты попыток планового организованного расселения в 1950–1951 годах. Осмысливая эти результаты, она солидаризируется с довольно смелой гипотезой, которую высказал известный томский историк С.И. Толстов на основе анализа событий колхозной истории родного села Больше-Жирово Асиновского района Томской области[5]. Более того, она приводит обширный фактический материал по другим деревням области, подтверждающий правомерность такого взгляда на вещи. А взгляд этот, опять же в пику стереотипам как коммунистической, так и антикоммунистической идеологии, сводится к следующему.

В течение довоенного десятилетия советская деревня сумела относительно безболезненно приспособиться к политике коллекти-

---

источнике, как воспоминания крестьян и их рассказы о своей повседневной жизни, полученные исследователями по методикам глубокого полуструктурированного интервью, зачастую с одними и теми же собеседниками в течение ряда лет. Результаты опровергают как официальные идеологические установки хрущевской поры по ЛПХ (мелкобуржуазное перерождение колхозников), так и близкие по смыслу трактовки западных советологов (ЛПХ как непотопляемый островок капитализма в море государственной экономики, демонстрирующий эффективность частной собственности в аграрном производстве). Похоже, ближе всего к реальности были попытки осмысления этого феномена в позднесоветский период: ЛПХ и общественное производство в колхозах как неразрывные части единого целого. См., напр.: *Лёгкий Н.Т., Бодур И.Д., Кривчанский И.Е.* (1982). Личное подсобное хозяйство — резерв увеличения сельскохозяйственной продукции. М.

5. *Толстов С.И.* (2012). Крестьянская идентичность в колхозно-совхозной деревне Сибири // Вторая Россия: дифференциация и самоорганизация: сборник научных статей. М. С. 44-63. См. также: *Бабашкин В.В., Толстов С.И.* (2016). Особенности аграрного реформирования 1930–1950-х годов // Историческая психология и социология истории. № 2. С. 216-234.

визации. Наиболее трудоемкие операции крестьянского хозяйства, связанные с производством зерновых, были вполне сознательно делегированы на уровень общественного хозяйства. Вчерашние общинники получали дополнительную возможность сосредоточиться на работе в ЛПХ, нагрузка на которое в плане самообеспеченности населения крестьянских дворов продовольствием достигала предела. Но самое главное, складывалась *оптимальная* социально-экономическая единица — «колхоз-деревня», в рамках которой могли работать и действительно работали традиционные исторически сложившиеся механизмы общинной демократии, т. е. самоуправления. Известно ведь, что демократия как таковая возможна лишь в масштабах таких человеческих сообществ, где все друг друга более или менее знают, что является залогом принятия адекватных управленческих решений. Ушло в прошлое прожектерство конца 1920-х годов о создании огромных аграрных предприятий по типу промышленных, отторгнуты были и троцкистские идеи, связанные с мировой революцией. Руководство страны сосредоточилось на организации народного хозяйства у себя дома, и средства на индустриализацию, кроме как у деревни, взять было больше негде. Механизация колхозной экономики через машинно-тракторные станции с возможностью расплачиваться с государством за услуги МТС произведенной в деревне продукцией, а также складывавшийся товарообмен с городской промышленностью избавляли колхозы от необходимости добывать «живые деньги», затрачивать трудовые и денежные ресурсы на организацию сбыта своей продукции. В таких важнейших параметрах система взаимодействия между городом и деревней, промышленностью и сельским хозяйством сумела обеспечить индустриализацию страны, ее оборонный потенциал в Великой войне. И после войны имелись все предпосылки к тому, что данное взаимодействие будет развиваться более органично и гармонично, чем это имело место в действительности.

«К началу 1950-х годов, — пишет С.И. Толстов, — российская деревня по-прежнему имела все основополагающие признаки традиционного крестьянского хозяйства. Несмотря на то что входившее в активную взрослую фазу жизни поколение людей родилось и получило воспитание уже при советской власти, культурный код хозяйственного поведения оно унаследовало у предшествующего поколения. ...Колхоз имел оптимальный размер, при котором каждый крестьянин мог охватить его своим воображением, и поэтому колхозник мог сохранять свою крестьянскую самоидентификацию и дееспособность»[6]. По убеждению Толстова, которое разделяет и Усольцева, те большие перемены в руководстве СССР, которые произошли в первой половине 1950-х годов, стали ключевым фактором резкой смены курса аграрной политики, что прямо и непо-

6. *Толстов С.И.* (2012). Крестьянская идентичность в колхозно-совхозной деревне Сибири. С. 47-48.

средственно отразилось на состоянии сельской поселенческой сети. Усольцева показывает, насколько популярными были в 1950-х годах в выступлениях районных партийных секретарей Томской области и специалистов сельского хозяйства идеи сселения мелких сельских населенных пунктов с перспективой создания крупных благоустроенных поселков (с. 70-77). «Постановка вопроса о сселении и видение его воплощения в жизнь задавались выступлениями Н.С. Хрущева, бывшего в то время секретарем ЦК и МК ВКП(б), в которых он весной 1950 г. говорил о целесообразности сселения как о само собой разумеющемся управленческом мероприятии» (с. 71).

Утопическое прожектерство возвращалось. Мне кажется, деревня этого ждала. Я когда-то описывал это под названием «культурно-психологические предпосылки коллективизации»[7]. Страдная психология, унаследованная нами от предков, диктует: после колоссального напряжения сил должен наступить настоящий отдых. Двадцатью годами ранее таковым представлялась коллективизация. Тогда на первых порах происходило то, что можно назвать эксцессом исполнителя: по пословице, «заставь дурака богу молиться — он и лоб расшибет». Об этом известная сталинская статья «Головокружение от успехов» в марте 1930 года. В 1950 году случилось нечто подобное. На местах хотели слышать что-то вроде необходимости возвращения долгов деревне, и из уст Хрущева это прозвучало. Возможно, секретарь ЦК партии, курировавший сельское хозяйство, интуитивно чувствовал, какая популярность с этим связана. Возможно, его собственное крестьянское ощущение справедливости выразилось в этой его активности. Во всяком случае, участник Международного круглого стола в РАНХиГС «Сталинизм и крестьянство» В.В. Зверев подметил некую историческую реальность, когда говорил: «Мой отец, проработавший 50 лет в сельском хозяйстве, однажды сказал следующее: “Запомни, больше, чем Никита, для сельского хозяйства не сделал никто”»[8].

Усольцева как раз и пытается лучше понять на материалах своего исследования, что же он сделал для сельского хозяйства. «В газете “Правда”, — пишет она, — 4 марта 1951 г. была опубликована статья Н.С. Хрущева “О строительстве и благоустройстве в колхозах”, в которой приводился текст его выступления на совещании по строительству и благоустройству в колхозах Московской области, состоявшемся 18 января 1951 г. В этой статье в очередной раз сселение мелких деревень, строительство новых колхозных сел и по-

7. *Бабашкин В.В.* (2007). Россия в 1902–1935 гг. как аграрное общество: закономерности и особенности отечественной модернизации. М. С. 151-157.
8. *Марченя П.П., Разин С.Ю.* (2013). Сталинизм и крестьянство. По итогам первого Международного круглого стола — третьего заседания теоретического семинара «Крестьянство в отечественной и мировой истории» // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. Вып. 8. М. С. 402.

селков, благоустройство их называлось одним из главных средств организационно-хозяйственного укрепления укрупненных колхозов. Утверждалось, что очень скоро “вместо небольших деревень возникнут крупные благоустроенные колхозные поселки со школами, клубами, банями, домами сельскохозяйственной культуры, детскими яслями и другими культурно-бытовыми учреждениями”» (с. 71-72). Сталину пришлось резко одернуть мечтателя, подобно тому как в начале коллективизации требовалось вразумлять головотяпов на местах. В результате Хрущев уже 6 марта обратился в ЦК с покаянным письмом, признавая глубину своих заблуждений и выражая готовность выступить в партийной печати с самоопровержением. Был также случай, когда Сталин публично назвал прожектера с его претензиями на научно-практическое развитие марксизма в аграрном вопросе «нашим маленьким Марксом»[9]. Вероятно, и эти обиды не следует забывать в поисках объяснения тому, каким рьяным разоблачителем «культа личности» сделался Хрущев в 1956 году.

В ответ на статью в «Правде» 4 марта достаточно оперативно было составлено Закрытое письмо ЦК ВКП(б) от 2 апреля 1951 года «О задачах колхозного строительства в связи с укрупнением мелких колхозов», в котором задавались совершенно другие параметры и задачи укрупнения — только там, где необходимость слияния мелких колхозов очевидна. Толстов полагает, что этот документ содержал существенную корректировку теории советского социализма, принимавшую во внимание адаптационные практики колхозной деревни. В нем были заданы параметры оптимального колхоза как самоуправляющейся социально-экономической единицы, что позже было закреплено в работе Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР»[10]. По-видимому, особо раздражающий момент для Хрущева в связи со «сталинизмом» состоял в том, что в 1950-е годы, когда он продолжил гнуть свою линию в аграрной политике, крестьяне повели себя не так, как ожидали исполненные благих намерений реформаторы, а скорее в соответствии с буквой и духом Закрытого письма от 2 апреля.

Подобный взгляд обосновывает в своей монографии и Усольцева, показывая, что подвергаемая на протяжении 1950-х годов перманентному реформированию деревня реагировала на поползновения властей сообразно тому, о чем пишут крестьяноведы как о закономерностях аграрного развития. У нее есть статья о том, насколько хорошо описывается происходившее в томской деревне в 1950–1960-е годы. В ней она использует крестьяноведческие постулаты, сформулированные Дж. Скоттом в книге «Благими намерениями государства». Выдающийся американский ученый пишет о четырех основных условиях, при которых с большой долей веро-

9. *Яхновская С.В.* (2014). «Наш маленький Маркс»: из истории хрущевского агропрожектерства // Родина. №. 10. С. 28-30.
10. *Толстов С.И.* (2012). Указ. соч. С. 48-49.

ятности будет запущен тот или иной политический проект, являющийся, по сути, не более чем «благими намерениями» государства в отношении крестьянства. Это: 1) упрощения на уровне государственной политики; 2) стремление на том же уровне руководствоваться идеологией высокого модернизма; 3) авторитарный, патерналистский характер государства; 4) обессиленное гражданское общество, неспособное сопротивляться государственному реформированию. Все это Скотт пытался применять к советской коллективизации 1930-х годов, но, с моей точки зрения, это явная натяжка. Однако такой подход более чем уместен к хрущевскому укрупнению 1950–1960-х годов[11], которое А.Д. Билимович не без основания называл «второй коллективизацией»[12].

Спустя почти ровно семь лет (дня не хватило) после доведения до членов партии Закрытым письмом от 2 апреля основных принципов дальнейшего курса аграрной политики в истории КПСС появился весьма любопытный документ: Выписка из протокола № 48 заседания Президиума ЦК КПСС от 1 апреля 1958 года «О задачах колхозного строительства в связи с укрупнением мелких колхозов». Суть документа донельзя проста: начиная с публикации от 4 марта в «Правде» т. Хрущев был (и остается) кругом прав в аграрном вопросе, а т. Сталин — наоборот. Такое «упорство в истине» и привело партийное руководство к пресловутым «неперспективным деревням». Начало такового клеймения большинство историков датируют рубежом 1950–1960-х годов, когда бюрократическая деятельность по планированию сселения малых деревень в центральные усадьбы и прочие «агрогорода» уже набрала обороты (с. 21). Планы партии по ликвидации «неперспективных деревень» в какой-то мере выполнялись. Но это было не столько результатом реализации запланированного, сколько следствием прекращения финансирования социальной инфраструктуры этих деревень и политических гонений на ЛПХ. Последнее объявлялось оплотом «мелкобуржуазного перерождения» колхозников. И крестьяне включили миграционные практики как достаточно эффективный тип вооружений из того арсенала, что вошел в крестьяноведение с легкой руки Скотта как «оружие слабых», т. е. практики повседневного сопротивления идиотизму государства и приспособления к нему.

В 1980-е годы, когда пагубные последствия политики «неперспективных деревень» стали слишком уж очевидными, партийное руководство предприняло небезуспешную попытку переложить ответственность за эту глупость на ученых-аграрников. Усольце-

11. *Усольцева О.В.* (2013). Управление сельским расселением в СССР в 1950–1980-е годы сквозь призму методологических подходов Дж. С. Скотта (на материалах Томской области) // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. Вып. 8. М. С. 233-242.
12. *Никулин А.М.* (2014). Аграрники, власть и село: от прошлого к настоящему. М. С. 242-244.

ва отвергает попытки увязывать этот политический курс с именем Т.И. Заславской и исследователей ее группы, подчеркивая, что их выводы в вопросе о развитии сельской поселенческой сети сигналили политикам о чем-то совершенно противоположном (с. 13, 199)[13]. Впрочем, сама Татьяна Ивановна спокойно и «безгневно» показала в своих мемуарах, кто был заказчиком кампании клеветы и зачем это понадобилось[14].

Вроде бы книга Усольцевой описывает печальные события нашей истории, связанные с исчезновением большинства деревень, составлявших к концу 1930-х годов сельскую поселенческую сеть Томской области. Но в моем восприятии, ее страницы буквально дышат историческим оптимизмом. Правильно поставленный диагноз — первый и главный шаг к лечению болезни. А автор убеждена — ее диагноз правильный. При бюрократическом составлении районных планировок расселения «полностью отсутствовало стремление к пониманию населения в многообразии его деятельности» (с. 201-202). «Крестьяноведческий взгляд на историю, — пишет она, — открывает возможности для преодоления экономически детерминированных оценок места и роли деревни в историческом процессе» (с. 27). Приходит время нравственно детерминированных оценок в этом важнейшем вопросе, и те или иные варианты восстановления сельской поселенческой сети просто неизбежны. Мне такая тональность показалась очень созвучной тому интервью, которое дал А.М. Никулину губернатор Белгородской области Е.С. Савченко. Он размышляет об исторической миссии нашей деревни, и это ни много ни мало — «воспроизводство нации, национальных традиций и прочего»[15]. Так что вполне функциональный памятник деревне ставит автор «Сельской поселенческой сети Томской области». Правильная ретроспектива определяет нужную перспективу.

Retrospectives of “unpromising villages”

Usoltseva O.V. Selskaya poselencheskaya set Tomskoy oblasti (1940–1980-ye gg.) [Rural Settlement Network of the Tomsk Region]. Tomsk: OOO “Izdatelstvo DEMOS”, 2018. 268 p. + DVD.

Vladimir Babashkin, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, prospect Vernadskogo, 82. E-mail: vbabashkin@ranepa.ru.

13. См. также: *Никулин А.М.* (2014). Указ. соч. С. 271-273; *Троцук И.В.* (2013). Сельско-городская миграция советского периода в работах Т.И. Заславской // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. Вып. 8. М. С. 187-206.
14. *Заславская Т.И.* (2007). Избранное: в 3 т. Т. 3: Моя жизнь: воспоминания и размышления. М. С. 622, 637.
15. *Савченко Е.С., Никулин А.М.* (2018). «Мы всю жизнь - первопроходцы» // Крестьяноведение. Т. 3. № 2. С. 150.